

Бернард Клервоский

О размышлении

Fons Monachorum

Бернард Клервоский
О размышлении

«Издательство Францисканцев»

XII век н.э.

Клервоский Б.

О размышлении / Б. Клервоский — «Издательство Францисканцев», XII век н.э. — (Fons Monachorum)

ISBN 978-5-89208-131-3

Книгу *De consideratione* святой Бернард Клервоский (1090–1153), выдающийся богослов, церковный деятель и миротворец, относил к числу своих главных сочинений. Он адресовал ее собрату-цистерцианцу, вопреки ожиданиям ставшему Папой Евгением III. Но размышления автора могут помочь найти духовные ориентиры и современному человеку. Перевод этого труда на русский язык выполнен впервые.

ISBN 978-5-89208-131-3

© Клервоский Б., XII век н.э.
© Издательство Францисканцев, XII
век н.э.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Пролог	9
Книга I	10
Глава 1	10
Глава 2	11
Глава 3	12
Глава 4	13
Глава 5	14
Глава 6	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

святой Бернард Клервоский

О размышлении

© Централизованная религиозная организация Конференция монашествующих Католической Церкви, 2017

© НО Издательство Францисканцев, 2017

* * *

Предисловие к русскому изданию

Может ли книга, написанная 900 лет назад, быть жгуче актуальной?..

Когда мы около года назад приняли решение перевести De Consideratione святого Бернарда Клервоского на русский язык, меня спросили, может ли в средневековом сочинении быть что-либо действительно интересное для людей нашего времени. Мы, историки, привыкли (и обоснованно) думать о прошлом как об источнике многих сокровищ, которые надо открыть как можно большему числу людей. Пытаясь это сделать, мы почти всегда сталкиваемся с одним значительным препятствием – с господствующим в нашем современном обществе менталитетом, которому свойственна склонность к преходящему, новому и непосредственно актуальному. Даже идя в супермаркет покупать продукты, мы смотрим на срок годности, чтобы не получить неприятный сюрприз. Все старое теперь кажется ненужным, вышедшим из употребления, мертвым, лишенным всякого интереса и даже опасным.

Эта книга – своего рода вызов. Мы приглашаем читателей снять печать с этого старинного «продукта», не соответствующего, так сказать, законам «здорового потребления». Надеюсь, они отважатся открыть книгу и погрузиться в чтение и размышление над прочитанным. В этом случае они тотчас заметят, что темы, которые затрагивает гениальное перо святого Бернарда, – это вечные вопросы о человеке, и их осмысление Бернардом, его советы и интерпретации неизменно важны и ценны. Это один из тех трудов, которые не теряют ценность с исчезновением исторического контекста, в котором они появились на свет. Он создан для того, чтобы мы положили его в хранилище своей души и могли время от времени пригубить его вино – выдержанное и вместе с тем молодое, ведь это, как говорил Фукидид о подлинно исторических творениях, нечто, «приобретенное навсегда».

Интересно, что всего за несколько месяцев до того, как Папа Бенедикт XVI привел в недоумение весь мир, оставив римский престол, один немецкий журналист, Петер Севальд, бравший интервью у Папы, сказал ему следующее: «По мнению святого Бернарда, Папа во всех своих заботах и делах должен уметь видеть целое, сохранять дистанцию и способность принимать решения перед лицом неизбежных злоупотреблений, в особенности неизбежных в папском окружении». Как вы догадались, эти слова – цитата из книги, которую мы предлагаем вашему вниманию.

Из ответа Бенедикта XVI совершенно ясно, что, во-первых, этот труд святого Бернарда хорошо ему знаком; во-вторых – что он его высоко ценит. Вот что он ответил: «Главная тональность – действительно та, о которой Вы сказали: нельзя с головой уйти в деятельность! Ведь делать нужно настолько много, чтобы можно было трудиться без передышки. Не потеряться в деятельности – значит сохранить consideratio, пронциательность, умение видеть ясно и вглубь, внутреннее взвешивать... Чтобы сохранить эту цельность видения, внутреннюю сосредоточенность, которые дают возможность увидеть самое главное, Папа в самом деле должен отдать многое в руки других людей». Быть может (это наше личное мнение), на его решение оставить римскую кафедру «в руках других» в какой-то степени повлияли размышления над текстом святого Бернарда.

13 марта 2013 года, тоже совершенно неожиданно почти для всех, преемником Бенедикта XVI на кафедре святого Петра был избран архиепископ Хорхе Марио Бергольо, взявший имя Франциск. После VII века это первый Папа не европейского происхождения; вдобавок, первый Понтифик из Общества Иисуса. С первого момента своего появления на балконе базилики Святого Петра и до сих пор он не перестает всех удивлять. Его представление о пастырском служении преемника апостола Петра, стиль жизни, его красноречивые и для многих вызывающие поступки и жесты, его внутренняя близость с простыми людьми, отказ от всякой помпы и проявления власти, его намерение направить всю Церковь, в том числе Рим-

скую курию, на служение евангелизации и на заботу о бедных, — все это вызывает самые разные и противоречивые реакции. Некоторые обвиняют его в новаторстве и революционности, в забвении церковных традиций. Трудно сказать, знаком ли Папа Франциск с этим сочинением святого Бернарда, но очевидно, что многие его действия, вызывающие такое внимание и изумление, совершенно отвечают духу книги, которую мы представляем. Уже поэтому интересно было ее перевести.

Само создание книги было продиктовано желанием святого Бернарда помочь человеку, который не был ни расположен, ни подготовлен к исполнению тяжких обязанностей епископа Рима и вселенского пастыря. Эти страницы написаны для Пьетро Паганелли, монаха-камальдула из Пизы, который затем, восхищенный духовной силой святого Бернарда, поступил к нему в аббатство Клерво, где принял имя своего духовного наставника и друга. Когда Папа Иннокентий II попросил прислать в Рим нескольких монахов из Клерво, святой Бернард во главе небольшой делегации отправил своего тезку. Цистерцианцы поселились в монастыре Святого Анастасия (ныне аббатство «У Трех Фонтанов»), где аббат Бернард очень скоро стал предметом всеобщего уважения и любви. В 1145 году во время народного возмущения Папа Луций II был убит брошенным в голову камнем. Его преемником кардиналы избрали Бернарда, аббата монастыря Святого Анастасия, взявшего себе имя Евгения III. Его избрание было неожиданным для всех, потому что этот человек был простым монахом и не имел ни административного опыта, ни опыта работы в Римской курии. По какой причине кардиналы его избрали, до сих пор неизвестно. Может быть, в той беспокойной и чреватой мятежом атмосфере они подумали, что только святой и смиренный человек сможет спасти положение римского престола.

Святой Бернард Клервоский, который тоже не ожидал такого исхода дела, написал избравшим Папу кардиналам: «Да простит вам Бог то, что вы сделали (...). Вы втянули в общественные дела и швырнули в водоворот бесчисленных хлопот человека, который бежал и от того, и от другого (...). Неужели не нашлось среди вас мудрых и опытных людей, способных нести бремя понтификата? По правде говоря, нелепо, что вы выбрали столь уничиженного и некрепкого силой человека надзирать за королями, править епископами и располагать царствами и империями. Не знаю, считать ли случившееся неразумием или чудом» (Письмо 237). Вместе с тем Бернард сразу с полной искренностью пишет своему духовному сыну и другу, новому Папе: «Если тебя посылает Христос, помни: ты призван не для того, чтобы тебе служили, но чтобы послужить. Надеюсь, Господь сподобит меня быть свидетелем того, как Церковь возвращается к временам, когда Апостолы закидывали сети, желая уловить души, а не серебро и золото» (Письмо 238).

Итак, озабоченность несоответствием бывшего монаха выпавшим на его долю обязанностям была первой причиной, по которой Бернард взялся за перо. Кроме того, об этом попросил своего духовного учителя сам Папа Евгений III. Бернард принял просьбу очень близко к сердцу и посвятил ее исполнению львиную долю своего времени и сил в последние годы жизни, постоянно перечитывая и исправляя текст вплоть до самой смерти. Сам он считал эту книгу вместе с комментарием на Песнь Песней (который вскоре также будет опубликован в Издательстве Францисканцев) главными своими сочинениями.

С первых же слов Бернард откровенно говорит о противоречивых чувствах, которые его переполняют, но им движет любовь, которая видит не папскую тиару, а лицо любимого духовного чада, нуждающегося в совете и поддержке. Именно любовь к брату, ставшему Папой, дает Бернарду возможность оставить все опасения и говорить искренне и от сердца. Как и всем его творениям, этому тексту присуща в высшей степени связная, стройная манера выражения мыслей, изящные переходы от одной темы к другой, ясность и убедительность аргументов, духовная глубина и пророческая сила обличения. Некоторые комментаторы сравнивали эту книгу с формой цистерцианских аббатств или храмов, которые

отличаются строгой, но изысканной красотой, лишены ненужных декоративных деталей, соединяют в себе разные архитектурные элементы и почти не приметно создают ощущение удивительного гармонического единства.

Надеюсь, этих нескольких слов достаточно, чтобы побудить читателей принять вызов и взяться за чтение этой удивительной книги, которая – я уверен – не обманет ничьих ожиданий. Вероятно, многие найдут в ней ключ к верному пониманию нынешнего состояния Церкви; но несомненно, что она способна всем предложить духовный ориентир, помогающий, как Бернард советует Евгению III, распознать и осмыслить то, что «в тебе, над тобой, под тобой и вокруг тебя», то есть самих себя, то, что от нас зависит, то, что нас окружает, и то, что нас превосходит. Таков неизменный путь мудрости – вчера, сегодня и всегда.

Библия святого Бернарда

«Возможно, во всей христианской традиции нет ума, который бы воспринял Библию во всей ее совокупности и в деталях, причем не только сам текст, но и ход мыслей, так полно, как святой Бернард» (Й. Лорци). Действительно, Бернард настолько проникнут Священным Писанием и использует его так много и так необычно, что кажется, будто он не следует за ним, а опережает его. Переводя тексты Бернарда, мы видим, что он буквально дышит Библией, что Слово Божие явно или косвенно присутствует во всех его рассуждениях. Кто-то подсчитал, что примерно каждые две строки Бернард цитирует какой-либо библейский текст.

Часто мы сталкиваемся с расхождениями между библейскими текстами, которые приводит Бернард, и их русской версией. Более того, иногда его цитаты не совпадают даже с самой Вульгатой, которая лишь после Тридентского собора стала официальным текстом Католической Церкви. Какую же Библию использовал святой Бернард? И как? Прежде всего, нам следует понять, что для него Библия с детства была своего рода средой обитания. Для людей того времени, особенно для монахов, это была книга книг, не только писанная, но и слышанная, петая, неустанно повторяемая, знакомая почти наизусть. Так вот, прежде чем святой Иероним начал переводить Библию с греческого и еврейского на латинский язык, существовали разные варианты латинских библейских текстов. Эта латинская Библия, предшествовавшая Иерониму, известна как *Vetus Latina*. Возможно, уже во II в. и, несомненно, в III в. существовали переводы Евангелий, Посланий, Псалмов. Эта древняя версия Библии использовалась в основном в богослужении и у Отцов Церкви.

Нам известно, что у Бернарда был экземпляр Вульгаты, тщательно переписанный, исправленный и полный примечаний и толкований, сделанных им самим на полях. Но часто он использует не Вульгату, а другие известные ему переводы. Он чувствует свободу использования тех версий, которые больше соответствуют его размышлениям, позволяют глубже осмыслить свой духовный путь.

свящ. Мариано Хосе Седано Сьерра CMF

Пролог

Святейший Отец Евгений, я желал бы написать для Вас нечто, что могло бы Вас наставить, быть Вам приятно или утешить Вас. Но я колеблюсь, не зная, делать это или нет: мысль о величии Понтифика и моя сердечная склонность сдерживают это желание и вместе с тем пробуждают его еще более, ибо, когда первая побуждает меня к сдержанности, вторая заставляет высказаться. В эту борьбу вмешивается также Ваше снисхождение, но не для того, чтобы требовать, как оно имело бы право, а для того, чтобы смиренно просить меня написать. Как я могу оставаться в нерешимости, если Ваше величие снизошло до меня? В конце концов, какое значение имеет то, что Вы вознесены на кафедру святого Петра? Даже если бы Вы, носимый на крыльях ветра, попытались выскользнуть из моего сердца, Вам бы это не удалось. Для него Вы – не господин, а возлюбленный сын, даже в тиаре Понтифика. Впрочем, тот, кто любит, естественным образом повинует; ему приятно исполнять волю другого, а поскольку он повинует совершенно бескорыстно, то и почитает добровольно. Впрочем, о многих ли можно так сказать? Сколько действуют только из страха или тщеславия, рассыпаются в излияниях преданности, тогда как сердце их полно злых чувств! Внешне они преданны, но когда в них нуждаются, никто не знает, где их искать. Не так любовь, которая никогда не перестает (см. 1 Кор 13, 8). Что касается меня, хоть я и не должен уже быть для Вас матерью, я испытываю к Вам материнскую нежность. Вы столь глубоко вошли в мое сердце, что теперь почти невозможно вырвать Вас оттуда. Так что возвышайтесь до небес, сколь Вам угодно, или спускайтесь на дно бездн, если пожелаете, – Вам не избежать моей любви; я пойду за Вами, куда бы Вы ни пошли (ср. Лк 9, 57). Если я полюбил Вас, когда Вы были бедны, то не для того, чтобы разлюбить, когда Вы стали отцом всех – бедных и богатых. Ибо, насколько я знаю, чтобы стать отцом нищих, Вы сохранили нищету сердца, и перемена, которая произошла с Вами, никак не произошла в Вас. Мне отрадно думать, что высокое достоинство, которым Вы наделены, не изгладило Вашего прежнего состояния, а приложилось к нему. Вот почему я позволю себе давать Вам советы, пусть не как наставник, но как мать и друг. Быть может, меня сочтут безрассудным оттого, что я поступаю так, но полагаю, что могу прослыть таковым лишь в глазах тех, кто никогда не любил и не познал силы любви.

Книга I

Глава 1

Святой Бернард вместе с верховным Понтификом скорбит о том, сколь тот обременен многоразличными заботами

1. С чего мне начать? С Ваших занятий, ибо о них-то я более всего скорблю вместе с Вами и за Вас. Я говорю «с Вами», если Вы тоже о них скорбите, в противном случае я должен бы довольствоваться тем, чтобы сказать, что скорблю за Вас; ибо невозможно разделить с другим скорбь, которой тот не испытывает. Итак, если Вы скорбите, то и я с Вами; если нет, то я все же скорблю, и даже весьма, зная, что член, потерявший чувствительность, почти погиб, а также зная, какой дурной знак для больного не чувствовать своего недуга. Однако не дай мне Бог счесть, что таково Ваше состояние. Я слишком хорошо помню, с каким блаженством Вы еще совсем недавно предавались уединению; и не могу поверить, что Вы тотчас позабыли о нем и уже стали нечувствительным к столь недавней утрате. Когда рана свежа и кровоточит, она причиняет боль; а у Вашей еще не было времени зажить и утратить чувствительность. Так что согласитесь: у Вас довольно предметов для скорби и печали, ибо Вы каждый день переживаете потери. Если я не ошибаюсь, для Вас истинное горе чувствовать себя [как бы] вырванным из объятий своей Рахили¹, и всякий раз, как это происходит, Вы вновь страдаете. А когда же этого не происходит? Как часто Вы желаете чего-либо, но тщетно; Вы предпринимаете что-либо, но не можете довести до конца! Сколько усилий пропадает напрасно! Как часто Вам приходится страдать от мук рождения² и ничего не производить на свет! Двадцать раз Вы беретесь за что-либо, и всякий раз Вас прерывают; Вы прядете кудель, а нити рвутся прямо под пальцами. Так и говорил Пророк: «Дошли младенцы до отверстия утробы матерней, а [у нее] сил нет родить» (4 Цар 19, 3). Вы узнаете себя в этом, и вероятно, более чем кто-либо другой? Итак, позвольте мне сказать, что, если Вы дошли до того, что полюбили такой порядок вещей, то Вы – тучная шея Ефрема, которой приятно ярмо (см. Ос 10, 11). Однако нет, ничего подобного: чтобы было так, следовало бы оставить Вас Вашим превратным чувствам. Я от души желаю, чтобы ничто подобное не нарушало мира Вашей души; но вместе с тем не хотел бы видеть Вас равнодушным посреди всех этих занятий. Ничего так не следует опасаться, по-моему, как такого рода покоя. Вы полагаете, что до этого дойти невозможно, а я Вас уверяю, что Вы непременно дойдете до этого, если (как часто случается) привычка постепенно делает Вас беспечным.

¹ Из пролога к «Диалогам» известно, что нечто подобное переживал Папа Григорий Великий. А Иоанн Солсберийский говорит, что достоинство понтификата было также тяжким бременем для Папы Адриана IV.

² Хорстиус, редактор и комментатор трудов св. Бернарда, дает в этом месте иной вариант его слов: «Вы совершаете усилия – и ничего не достигаете; Вы пребываете в муках рождения – и ничего не можете произвести на свет». Однако большинство ранних изданий предпочитают нашу версию, разве что с совсем небольшими вариациями.

Глава 2

О том, как привычка приводит к предосудительным обыкновениям и к ожесточению сердца

2. Не слишком полагайтесь на свое нынешнее расположение, ибо нет [решимости] твердой настолько, чтобы время и небрежение не могли ее одолеть. Вам известно, что старые и незалеченные раны, в конце концов, покрываются толстой коркой, делающей их и неизлечимыми, и нечувствительными одновременно. Впрочем, сильная и постоянная боль не может длиться долго: если ее не утоляют, она успокаивается сама; она или ищет врачевания в утешениях, которые ей приносят, или притупляется в силу собственного постоянства. Есть ли что-либо [на свете], чего бы не могла изменить привычка? Что не притупляется с течением времени? Что не изнашивается? Сколько почтенных людей с течением времени начинали находить приятным и сладостным то, что вначале казалось им полным горечи! Послушайте, как стенает святой, восклицая: «В [нынешней] крайности моей то, до чего не хотела коснуться душа моя, составляет отвратительную пищу мою» (ср. Иов 6, 7). Сначала груз кажется непосильным, но со временем, если мы продолжаем его нести, мы начинаем находить его менее тяжким, более терпимым и даже легким; наконец мы находим в нем удовольствие. Вот как постепенно мы черствеем сердцем, а затем впадаем в полное безразличие. А возвращаясь к моему предмету: таким же образом острая и постоянная боль постепенно уступает лекарствам или притупляется сама собой.

3. Вот почему я всегда опасался и опасуюсь до сих пор, что, слишком медля с поиском лекарства для своего недуга, Вы, не в силах больше его выносить, от отчаяния попадете в беду, из которой нет выхода. Да, я боюсь, что посреди своих бесчисленных забот, потеряв всякую надежду увидеть им конец, Вы, в конце концов, привыкнете к ним и очерствеете настолько, что перестанете ощущать праведную и душеполезную боль. Остерегайтесь, учитесь время от времени отстраняться от этих забот, если не желаете, чтобы они поглотили Вас целиком и постепенно привели туда, куда Вы не хотите. «Куда же?» – быть может, спросите Вы. «К очерствению сердца», – отвечу я. Но не спрашивайте, что я под этим разумею; это бездна, в которую мы проваливаемся, как только перестаем ее бояться. Очерствевшее сердце не вызывает ужаса только само у себя, ибо более ничего не чувствует. Не просите меня распространяться на этот предмет; лучше вспомните фараона [египетского]. Ни один человек с ожесточившимся сердцем не может спастись, если только Бог в Своем милосердии не возьмет от него сердце каменное, как говорит пророк, и не даст ему сердце плотяное (ср. Иез 36, 26). Но что есть ожесточенное сердце? Оно неспособно терзаться укорами совести, не смягчается благоговением, его не трогают молитвы; оно равно нечувствительно к угрозам и ударам. Это сердце, которое платит неблагодарностью за благодеяния; оно ненадежно в советах, зато беспощадно в суде, чуждо всякого стыда при виде вещей постыдных, как и страха при виде опасности. Можно сказать, в нем мало человеческого, и при том оно полно бесстыдной дерзости в вещах Божественных. Прошлое оно забывает, настоящим небрежет, о будущем не заботится. Из прошлого оно помнит лишь нанесенные обиды; настоящее для него ничто; в будущем его занимает лишь месть, которую оно вынашивает и готовит. Одним словом, это сердце, которое не боится ни Бога, ни людей.

Вот к чему все эти проклятые заботы, поглощающие Вас, непременно приведут, если Вы будете по-прежнему, как делали до сих пор, целиком отдаваться им, ничего не оставляя для себя. Вы теряете время и, если позволите выразиться словами Иофора (Исх 18, 18), измучаете себя в бессмысленных трудах, которые только терзают дух, иссушают сердце и ведут к потере благодати. Плоды сего я могу сравнить разве что с тонкой паутиной, сплетенной пауком.

Глава 3

О том, что князьям Церкви не подобает заниматься лишь выслушиванием исков и судебными разбирательствами

4. Я Вас спрошу: что такое с утра до вечера заниматься только участием в тяжбах или их выслушиванием? И если бы это неблагодарное занятие отнимало только дневное время! Но ведь порой и ночь проходит за ними! Для насущных потребностей Вашей природы едва остается малая передышка, а затем Вы вновь встаете, чтобы вернуться к этим разбирательствам. День передает дню нескончаемые процессы, ночь завещает ночи бесконечные затруднения, так что невозможно вздохнуть; не остается часов, твердо отведенных на отдых, а лишь редкие передышки. Разумеется, Вы, как и я, сокрушаетесь о подобном положении вещей, но что толку о нем сокрушаться, если Вы ничего не делаете, чтобы его изменить? И все же никогда не переставайте сокрушаться и остерегайтесь, чтобы длительная привычка не сделала Вас бесчувственным. «Я поразил их, а они не чувствуют боли» (ср. Иер 5, 3). Не уподобляйтесь таковому, но старайтесь пробудить в себе чувства праведника и неустанно восклицать вместе с ним: «Увы! Что за сила у меня, чтобы держаться мне? И как надеяться видеть конец бедам моим и не потерять терпения? Ведь я не из мрамора и не из железа» (ср. Иов 6, 11). Безусловно, терпение – великая и прекрасная добродетель, но в таких вещах я Вам его не желаю; есть обстоятельства, когда лучше его не иметь. В самом деле, не думаю, чтобы Вы завидовали терпению тех, кому святой Павел сказал: «Вы столь мудры, что имеете терпение сносить безрассудных» (ср. 2 Кор 11, 19). Полагаю, что это чистая ирония, и Апостол не только не хвалит их, но насмехается над тем, как легко они обращаются к соблазняющим их лжеапостолам, и над неистощимым терпением, с каким они позволяют тем увлечь себя всевозможными нечестивыми и чуждыми учениями. Потому-то он и прибавляет после: «Вы терпите, когда кто вас поработает» (там же). Разумеется, в терпении свободного человека, который позволяет обратиться себя в рабство, нет ничего хорошего. Так что я не хотел бы, чтобы Вы скрывали от себя, что каждый день, сами того не замечая, Вы поработаетесь все более, ибо ничто не свидетельствует вернее об обветшавшем сердце, чем равнодушие к собственному несчастью. «Беда, – сказал некто, – отверзает разумение» (ср. Ис 28, 19); но только тогда, когда она не слишком велика; в противном случае она вместо разумения производит безразличие. Ведь сказано, что нечестивый, достигнув дна бездны своей злобы, имеет в себе лишь безразличие и презрение (см. Притч 18, 3). Итак, пробудитесь и с ужасом стряхните с себя ненавистное иго рабства, которое не только грозит Вам, но уже давит своей тяжестью. Или Вы думаете, что Вы не в рабстве, только потому, что над Вами не один господин, а сто? Я не знаю рабства более ужасного и тяжкого, чем рабство евреев, находивших себе господ повсюду, куда бы они ни приходили. Итак, спрашиваю Вас: подлинно ли Вы свободны, независимы, господин сами себе? В какую бы сторону Вы ни обратились, повсюду Вы не находите ничего, кроме бесконечных забот и беспокойств; Ваше ярмо следует за Вами повсюду.

Глава 4

О двух видах рабства: одно подобает, а другое не подобает рабу рабов Божиих

5. Не пытайтесь ответить мне словами Апостола: «Будучи свободен от всех, я всем поработил себя» (1 Кор 9, 19), ибо они сказаны не о Вас. Он сделался рабом всех верных не для того, чтобы служить постыдному честолюбию, ибо мы не видим, чтобы толпы интриганов, скупцов, продажных душ, богохульников, прелюбодеев, виновных в совершении инцеста, и прочих чудищ в человеческом обличье, стекались к нему со всех концов земли требовать, чтобы он своей апостольской властью пожаловал им церковные звания или разрешил сохранить их. Нет, этот человек, сказавший: «Жизнь для меня – Христос, и смерть – приобретение» (Флп 1, 21), поработился для того, чтобы приобрести Богу как можно больше душ, а не для того, чтобы умножать сокровища скупцов. Не знаю, как Вам удастся ради оправдания своего рабства ссылаться на осознанное и добровольное порабощение святого Павла и на его любовь, столь же свободную, сколь и великодушную. Для Вашего титула преемника апостолов, для спокойствия Вашей совести и для блага Церкви лучше прислушаться к следующим словам святого Павла: «Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков» (1 Кор 7, 23). Итак, спрашиваю Вас: есть ли что-либо, что более говорит о рабстве и более бесчестит человека, особенно верховного Понтифика, чем ежедневное и ежеминутное изнурение себя в такого рода трудах для такого рода людей? Как при этом найти время для молитвы, для наставления ближних, для созидания Церкви, для размышления над законом Божиим? Дело не в том, что в Вашем дворце нет законов; но ведь это законы Юстиниана, а не Божественного Учителя. Так ли должно быть? Отвечайте. Закон Господа чист и непорочен, он освящает души; а законы императоров – не более чем источник злоупотреблений и словопрений, они лишь извращают людские суждения. О чем Вы думаете, Вы, епископ и пастырь душ, терпя, чтобы в Вашем присутствии одни были всегда обречены на безмолвие, тогда как другие упорно заставляют себя слушать? Или я заблуждаюсь, и подобный беспорядок должен вызывать у Вас упреки совести и побуждать воскликнуть вместе с пророком: «Нечестивые потчуют меня лживыми измышлениями; а я жажду уставов Твоих» (ср. Пс 119 (118), 35). Дерзните теперь сказать, что Вы свободны, если преклонили главу под столь позорное иго и не можете его сбросить. Ибо если можете, но не хотите, то Вы раб вдвойне, будучи вдобавок рабом собственной порочной воли. Я не знаю раба, более заслужившего это название, чем тот, который порабощен беззаконием, разве что Вы сочтете, что быть рабом порока не так позорно, как быть рабом человека. И какая разница, становишься ли рабом по своей воле или по принуждению? Чуть больше презрения к одному и жалости к другому – вот и все различие. Но что вы хотите, чтобы я сделал? – спросите Вы. Чтобы Вы не предавались так безоглядно всей этой суете. «Это невозможно, – скажете Вы, – разве только если оставить кафедру святого Петра». Я бы тоже так думал, если бы советовал Вам вовсе порвать со всеми этими занятиями; но я призываю только время от времени прерывать их.

Глава 5

О том, что мы никоим образом не должны печься о других до такой степени, чтобы пренебречь самими собою

6. Вот, с одной стороны, то, что я порицаю, а с другой – то, что одобряю. Я могу лишь порицать Вас, если Вы посвящаете все свое время и способности делам, ничего не оставляя РАЗМЫШЛЕНИЮ, и полагаю, что не меньше порицал бы Вас познавший из уст Соломона, что «знающий умеренность в делании своем приобретет мудрость» (ср. Сир 38, 25). Впрочем, и само делание не служит ничему, если не предваряется размышлением. Если Вы хотите стать всем для всех по примеру [Апостола], сделавшего это первым, могу только похвалить Ваше смирение, однако при условии, что оно будет полным; а как это может быть, если Вы стали всем для всех, кроме себя самого? Ведь и Вы человек; стало быть, чтобы Ваша преданность была полной, нужно, чтобы она, распространяясь на всех, распространялась и на Вас. Иначе, как говорит Божественный Учитель, какая польза приобрести всех, если Вы потеряете себя? (см. Мф 16, 26). Итак, поскольку Вы стали всем для всех, будьте таковым и для себя. Неужели единственный человек, лишенный Вас, будете Вы сами? Неужели Вы всегда будете пребывать вовне и никогда внутри? Неужели будете единственным, кого Вы не сможете принять в свой черед, когда принимаете каждого в его черед? Вы должник мудрецов и неразумных; неужели Вы ничего не должны сами себе? Мудрец и неразумный, свободный и раб, богач и бедняк, мужчина и женщина, юноша и старец, духовный и мирской, праведный и грешник, – все, все будут пользоваться Вами, черпать из Вашего сердца, словно из общего источника, а Вы один будете держаться поодаль и не сможете утолить свою жажду? Если проклят тот, кто уменьшает свою часть, что будет с тем, кто лишает себя [этой части] вовсе? Я желаю, чтобы Вы изливали свои воды и на публичных площадях, чтобы Вы утоляли жажду не только людей, но и их скота, их стад и даже верблюдов раба Авраамова; но хотя бы пейте сами из этого колодца, как другие. «Чужой, – сказал мудрец, – не будет пить из этих вод» (ср. Притч 5, 17); но Вы, разве Вы чужой? И разве Вы не станете чужим для всех, если чужды сами себе? Наконец, и мудрец вопрошает, к кому будет добр тот, кто не добр к себе (ср. Сир 14, 5). Так что – не говорю всегда, не говорю часто, но хоть иногда – вспоминайте о том, чтобы вернуть себя себе. Пользуйтесь собою, не говорю вместе со всеми, но хоть после всех. Можно ли требовать меньше? Потому, говоря так, я делаю уступку, но не выражаю всю свою мысль. Думаю даже, что я прошу у Вас много меньше, чем Апостол. «Стало быть, Вы менее требовательны, чем он?» – спросите Вы. Не скажу, что нет; быть может, так и есть. Однако я надеюсь, что Вы не будете довольствоваться той малостью, пределы которой мои требования не дерзают переступить, и пойдете дальше; ведь, в самом деле, мне прилично требовать от Вас лишь немногого, а Вам со своей стороны – делать много больше. Впрочем, я предпочитаю, чтобы Ваше Величество лучше упрекали меня за чрезмерную робость, чем за бесцеремонность, и тем не менее я непременно должен был предостеречь Вас, как бы Вы ни были мудры, дабы исполнилось написанное: «Дай наставление мудрому, и он будет еще мудрее» (Притч 9, 9).

Глава 6

О том, что судебная власть принадлежит скорее мирским князьям, нежели князьям Церкви

7. Но послушайте, что говорит Апостол по тому поводу, который нас занимает: «Неужели нет между вами ни одного разумного, который мог бы рассудить между братьями своими?» (1 Кор 6, 5). Немного раньше он сказал: «А вы, когда имеете житейские тяжбы, поставляйте своими судьями ничего не значащих в Церкви» (1 Кор 6, 4). Так что, согласно святому Павлу, Вы, презирая свое апостольское звание, присваиваете себе низшую функцию, исполнение которой следовало бы оставить людям более скромного звания внутри Церкви. Вот почему этот великий епископ говорил другому епископу, наставляя его относительно его обязанностей: «Кто приступил служить Богу, не должен связывать себя делами житейскими» (см. 2 Тим 2, 4). Что касается меня, я не захожу так далеко и довольствуюсь тем, что советую Вам то, что для Вас возможно, не пытаясь вынуждать к героизму. Неужели Вы в самом деле полагаете, что в наши дни все, кто судятся друг с другом ради обладания благами мира сего и теснят Вас, вынуждая рассудить их притязания, довольствовались бы ответом Учителя и Вы могли бы [вслед за Ним] сказать: «О люди! Кто поставил Меня судить или делить вас?» (см. Лк 12, 14). Что бы о Вас подумали, заговори Вы таким языком? Что Вы – человек из провинции, не знающий своих прав, не ведающий о прерогативах своей верховной власти, позорящий престол, на который вознесен, и принижающий апостольское достоинство. Вот что сказали бы люди. Однако говорящие так оказались бы в затруднении, если бы нужно было ответить, когда это видано, чтобы кто-либо из апостолов соглашался быть судьей в людских распрях, заниматься делением наследства и распределением земель. Я вижу в Писании, что апостолы представляли пред судьями, но нигде не вижу, чтобы они были судьями сами. Они ими будут, но этот день еще не настал. Разве слуга унижает свое достоинство, когда не желает встать выше своего господина, или ученик – возвыситься более своего учителя, или сын – не преступать пределов, поставленных отцами? А сам Господин и Учитель говорит вам: «Кто поставил Меня судьей между вами?» Так что же, Вы, Его слуга и ученик, почтете для себя бесчестьем, если не будете судить всех подряд? Полагаю, что мы не постигли истинной ценности вещей, если находим, что апостолы и их преемники, поставленные судить выгоды высшего порядка, умаляют свое достоинство, не соглашаясь быть судьями в подобных разногласиях. Вполне можно пренебречь возможностью произнести свой суд по поводу убогих земных выгод, если ты призван однажды судить ангелов небесных. Потому Вы должны применять свою власть судии к грехам человека, а не к их земным владениям, ибо только ради этого вы получили ключи Царства [Божия]: дабы затворить его врата для грешников, а не для собственников. Тому доказательство – слова Господа: «Знайте, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи» (Мф 9, 6). А в чем Вы видите более величия и могущества – в разделении наследства или в прощении грехов? Нельзя даже и сравнить эти две власти. Преходящие земные интересы имеют своих судей: царей и князей мира сего; по какому же праву Вы посягаете на их права? И почему пожинаете на чужом поле? Не то чтобы Вы были этого недостойны; скорее, это недостойно Вас – заниматься такими делами, когда Вы призваны к гораздо более важному. Впрочем, если иногда Вы бываете к этому вынуждены, помните, что Апостол сказал: «Если вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела?» (1 Кор 6, 2).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.